

Л. А. Штавдакер

СТРАСТИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ, ИЛИ ДОНСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ В 1920–1930 годы

*Памяти ростовского краеведа
Ильи Моисеевича Весельницкого*

Папка с секретом

В отделе краеведения среди старых неопубликованных рукописей и журналов 20-30-х годов лежит безымянная папка.

Как она не попала в макулатуру, как сохранилась?

Наверное, много раз, в санитарные дни, она бывала в чьих-то руках. Может быть, кто-то и открывал её... Неформатные листы, напечатанный на машинке текст, заголовки: «О комплектовании библиотек», «Аннотация в библиотеке», «Инструкция по аннотированию книг, выработанная Библиографической Комиссией Ростовского н/Д Библиотечного объединения»... Старьё, вроде бы интересно почитать, но – некогда, как-нибудь потом...

А папка оказалась с секретом.

Во-первых, страницы прошиты в обратном порядке (с 55-й по первую). Сначала шли те самые, старые инструкции, в середине – документы по истории библиотеки с 1925-го по 1927 год, каждый со штампом «К делу 9». А на первой (то есть 55-й) странице – нечёткая надпись карандашом: «Бодрову». На обороте одного из документов [1] рукой Антона Ивановича выведено: «Справка: Выписка доставлена в б-ку 21.02-27 г. в 1 ч. дня. зам. зав. биб. А. Бодров».

Папка хранила документы библиотеки самого сложного и малоизученного периода её истории. А принадлежала она заместителю заведующего публичной библиотекой А. И. Бодрову.

Но немало «белых пятен» хранит история библиотеки и до 1925 года.

Северо-Кавказская библиотека краеведения

В 1920 году энтузиасты библиотечного дела приступили к созданию в Ростове библиотеки под названием Книгохранилище имени Карла Маркса.

В период становления библиотеки как краевого учреждения (1921–1931) [2] это название наиболее часто встречается в литературе. Но одновременно с ним используются и другие: Донская публичная [3], Ростовская на Дону публичная (обе с именем К. Маркса), Северо-Кавказская библиотека краеведения, Краевая краеведческая библиотека [4]. До сих пор считалось, что в связи с изменением административного деления края менялись и названия библиотеки [5]. Но документы показывают другое.

Первым заведующим библиотекой (так называлась должность руководителя в 1920-е годы) был Давид Абрамович Сарахан (1888–1932), один из организаторов и методистов сети советских библиотек Ростова. Занимаясь её комплектованием, он ещё в 1920 году создал Отдел Краеведения [6], основу которого составила коллекция книг по Кавказу – 1800 экземпляров (Сарахан её лично приобрёл у кавказоведа Эсадзе в Тифлисе). Коллекция, любовно собранная Сараханом, к 1925 году насчитывала 8000 томов и считалась «лучшим и наиболее полным в крае собранием по кавказоведению».

Примечательно, что Отдел Краеведения, будучи при Книгохранилище имени К. Маркса, изначально формировался как самостоятельная структура. Он комплектовался из средств «таких солидных организаций, как Севкавплан и Краевой научный Совет», а библиотеку комплектовал Политпросвет. (Кстати, Сарахан и сам работал в Севкавплане, оплачивавшем Отделу Краеведения и одного технического сотрудника) [7].

Из поступающей литературы Сарахан отбирал необходимые книги для своего Отдела [7]. А книги шли в библиотеку имени К. Маркса также в виде обязательного экземпляра всех изданий Российской книжной палаты и обмена с библиотеками и научными организациями.

27 ноября 1923 года постановлением КЭС [7] № 230 Отдел Краеведения обретает статус Краевой Краеведческой Библиотеки при Книгохранилище им. К. Маркса. 19 мая 1925 года Северо-Кавказский Краевой Исполнительный Комитет принимает постановление № 85 «Об организации Краевой краеведческой библиотеки» [8], которым обязывает «все типографии и литографии Края высылать в одном экземпляре все вновь выходящие произведения периодической печати /газеты, журналы, бюллетени/, а также географические карты, кроме военных, означенной Краеведческой Библиотеке /Ростов на Дону, Казанская ул., д. 15–17».

Пока Сарахан был руководителем двух библиотек в одном лице, он не делал никакого различия между ними. Подтверждением тому служит предисловие к составленной им библиографии «Литература о Северо-Кавказском крае» (Книги, журналы и статьи в периодических изданиях, напечатанные с 1.1. по 15.-VIII 1925 г.), опубликованной в журнале «Северо-Кавказский край» (1925 г. № 9 С. 122.).

Сарахан пишет: «Краевой Научный совет с целью облегчить каждому работнику трудную задачу собирания материалов по различным вопросам краеведения, предложил *краеведческому отделу Донской публичной библиотеки имени К. Маркса* сосредоточить преимущественно внимание на библиографии Северного Кавказа.

Библиографическое бюро [9] Донской библиотеки уже давно лелеяло мысль о составлении библиографии Северного Кавказа в широком масштабе и, идя навстречу желанию Краевого Научного совета, представило пятилетний перспективный план библиографических работ по Северному Кавказу.

К сожалению, отсутствие материальных средств, потребных для расширения штата, не позволяет до сего времени приступить к систематическому осуществлению этого плана.

Но насущные запросы текущей практики работ по краю настолько сильны, что библиографическое бюро вынуждено, хотя бы в некоторой степени, удовлетворить эту необходимость.

В виду этого бюро на первых порах ограничилось библиографией материалов текущего 1925 года: книг, журналов и статей в периодических изданиях (за исключением газет), касающихся Северного Кавказа. Весь собранный материал будет печататься на страницах журнала «Северо-Кавказский Край» в виде периодических обзоров» [10].

В 1925–1926 году Сарахан развернул интересную работу, став родоначальником текущей научно-вспомогательной библиографии о крае на Северном Кавказе [11].

Но всё изменилось в одночасье. В конце 1925 года Сарахан окончательно делает свой профессиональный выбор в пользу краеведения [12], и на место заведующего библиотекой приходит Самуил Миронович Гурвич (1885–1938) [13].

Гурвич – профессиональный революционер, председатель первого (1905 года) горсовета в Ростове, родоначальник местной власти [14]. За участие в революционном движении он отбыл каторгу в Шлиссельбурге, затем был сослан в Сибирь на поселение. В Ростов вернулся в январе 1917 года и сразу окунулся в партийную работу по линии Донкома РСДРП. Большевик, он не принял стремительную тотальную большевизацию, отразив своё отношение к происходящему в стране в книге «Экономическое положение России» (1919) [15]. Решив приобрести мирную профессию, чтобы кормить семью, Гурвич стал довольно-таки пожилым студентом медфака Донского университета (учёбу закончил в 1926 году, после 25 летнего разрыва). В это же время «не вполне понятным образом чередовал или соединял врачебную практику в школе» с руководством областной библиотекой [16].

Из такого «симбиоза» ничего толкового не получилось.

С 1925-го до середины 1927 года в библиотеке, которая получала обязательный экземпляр всех изданий РСФСР, т. е. 3–4 тысячи томов в месяц, скопились залежи

необработанных книг [17]. «Из 250000 книг только 90000 была заинвентирована, а остальная масса даже не разобрана и к читателю не поступала».

Эта ситуация стала одной из основных причин конфликта между Сараханом и Гурвичем.

3 ноября 1926 года на заседании Ответработников Донского Библиотечного Коллектора с представителями от библиотеки им. К. Маркса и Донполитпросвета [18] бывший заведующий обвинил нового руководителя в фактическом разгроме Отдела краеведения. Он рассказал комиссии, разбиравшейся в ситуации, о том, что Отдел краеведения перемещён теперь в общую комнату с Отделом обработки, где нет условий для работы.

«Книги, которые достаются мною для библиотеки с большим трудом, имеющие ... большую ценность, Гурвичем принципиально не обрабатываются. ... Много книг не удалось получить благодаря срыву со стороны т. Гурвича. Я получил разрешение от Государственного Книжного фонда на получение 500 томов по краеведению. Я составил списки этой литературы с просьбой выслать в библиотеку, список этот в течение года лежит в библиотеке и не высылается по адресу. В Сочи есть 10000 архивной литературы, которую мы можем получить в обмен на очень выгодных условиях. Библиотека, несмотря на запросы от Сочинской библиотеки во вопросу обмена – до сих пор ничего не отвечает.

В этом году мною были выписаны очень ценные книги из заграницы по краеведению. Эти книги я вынужден хранить на квартире, потому что нет гарантии, что они в библиотеке не пропадут, так например из Москвы было недавно получено 3 посылки с книгами и теперь их найти нельзя и вероятно их где-нибудь завалили. Мне всячески затрудняли переписку с различными организациями и библиотеками».

«Мы сейчас заняты очень серьёзной и большой работой по переучёту, поэтому все силы у нас брошены в этом направлении, – попытался объяснить новый руководитель. – Ясно, что при таком положении никакой культурной работы мы вести не можем. До сих пор каталог у нас находился в хаотическом состоянии – это очень затрудняет работу по переучёту.... Вся поступающая из Москвы литература нами разобрана и книги переданы в обработку. Иностранная литература вся разобрана и выделены не-заинвентированные дублиеты. Мы оставили в центральном здании только то, что заинвентировано, всё же, что не обработано мы сосредоточили вне главного здания».

И далее Гурвич представил своё видение работы библиотеки, увы, далёкое от профессионального:

«Наш принцип обработки книг следующий: мы обрабатывает только те книги, которые имеют какую-то либо ценность, по Отделу же краеведения есть масса такой мелкой литературы, и не имеющей почти никакого значения, которые, по моему мнению, обрабатывать совершенно не нужно. Не мешало бы эту литературу подбирать в папки по отдельным вопросам. К обмену литературы с другими библиотеками я отношусь скептически. Единственное с кем можно вести переговоры об обмене – это Новочеркасская библиотека... Меня больше всего интересует, чтобы Отдел Краеведения не мешал работать библиотеке».

Комиссия разобралась в том, что «мешает работать библиотеке», и отметила отсутствие плановости в её работе, путаницу в расстановке фонда (новые книги расставляются по инвентарным номерам, вся же остальная литература – по отделам), а конфликт между двумя руководителями сочла неуместным.

Было вынесено решение о выделении изолированного помещения для Отдела краеведения, и одновременно о подчинении заведующего этим отделом заведующему библиотекой. Тем самым фактически Северо-Кавказская краеведческая библиотека становилась отделом библиотеки им. Карла Маркса.

Последствия не замедлили сказаться.

Спустя месяц заведующий библиотекой решает передать часть краеведческого фонда в Горский научно-исследовательский институт.

Сарахан использует все свои связи и с трудом предотвращает разорение Краеведческой библиотеки. На помощь ему приходит Севкавплан и библиотечная общественность города.

Вот два любопытных документа:

Выписка

из Протокола № 60 распорядительного заседания Президиума СКПлана 28 декабря 1926 г.

Слушали: . О передаче книг горского характера из Книгохранилища им. К. Маркса в Нацсовет /докл. Т. Мальсагова.

Постановили: принимая во внимание, что библиотека имени К. Маркса является единственным в крае центром по сосредоточению краеведческой литературы, признать нецелесообразным выделение из этой библиотеки части книг горского характера для передачи в Нацсовет, так как таковой передачей была бы нарушена цельность и полнота краеведческого отдела этой библиотеки.

Отметить, что ходатайство Нацсовета может быть частично удовлетворено путём передачи ему дубликатов имеющихся в библиотеке изданий и книг горского характера.

Выписка из Протокола

общего собрания Ростово-Нахичеванского н/Д Городского Библиотечного объединения от 31/12-26 г.

Слушали: сообщение т. Берлинера о ходатайстве Крайнацмена о выделении горской литературы из Книгохранилища им. К. Маркса.

Постановили: Учитывая, что только при условии нераспыления книжных богатств Книгохранилища им. К. Маркса можно будет правильно организовать библиографическую работу для обслуживания всей библиотечной сети города исчерпывающими библиографическими справками по всем вопросам знания, необходимым библиотекам в их массовой работе с читателем, – Пленум Библиотечного объединения от имени 180 работников районных, фабрично-заводских и клубных библиотек г. Ростова и Нахичевани н/Д просит Крайисполком не допустить передачи книг из биб-ки им. К. Маркса в Горский Научно-исследовательский институт.

Победителей в этой войне не было: подорвал своё здоровье Давид Сарахан (в 1927 году он заболел туберкулёзом и уехал из Ростова в Нальчик, где в 1930 году издал свой последний солидный труд «Библиографию Кабарды и Балкарии» и спустя два года умер) [19].

А Самуила Мироновича Гурвича, как не справившегося с работой (не сделал в срок инвентаризацию библиотеки), отстранили от занимаемой должности.

Библиотека и в самом деле находилась в крайне запущенном состоянии, о чём рассказывал Фурсов [20], её новый заведующий.

«До сего времени в нашей библиотеке неизвестно точное количество томов, учёт не вёлся, делопроизводство не систематизировано... Помещение Библиотеки не ремонтировалось, разрушается и находится в отдалении от центра города.

Кроме того, в этом помещении проживают люди, никакого отношения к Библиотеке не имеющие. Все эти обстоятельства отрицательно влияют на благоустройство как самой библиотеки, так и на обслуживание читателей. Штат Библиотеки состоит из 23 человек, из коих 3 научных, 16 технических, и 4 подсобных работника. Библиотека работает 3300 официальных часов в год. Для приведения Библиотеки в надлежащий порядок, т. е. заинвентировать 120000 неразобранной литературы, потребуется 5700 часов в год или 8 человек на год.

В прошлом году было предусмотрено сметой для нашей Библиотеки 29000 рублей. Из них 23000 руб. уже израсходовано, а 6000 руб. остались недополученными от Библиотечного Коллектора, Благодаря нераспорядительности бывшего заведующего и недополучения 6000 руб. Библиотека не смогла получить новую литературу.

Форма расстановки книг в Библиотеке разнообразная. Здесь можно найти и десятичную форму и форму Кеттера и др. Книги хранятся в помещениях, совершенно к тому не приспособленных /сарай, конюшня и др./, что конечно отрицательно влияет как на сохранность библиотечного материала, так и на нормальный ход её работы.

Если Вам понадобилась книга, то Вы сможете получить её не ранее как на следующий день, т. к. она находится даже в неосвещённом помещении.

По общему положению Библиотека из своих стен книг не выдаёт. При Библиотеке имеется читальня и научный кабинет, где посетитель и пользуется взятой книгой. Выдача же книг производится только организациям, как например, СК Совпартшколе, ГПУ, Севкавплану и др.» [17].

Положение библиотеки признавалось катастрофическим и в начале 30-х годов. Директор Е. Д. Путилова привлекла внимание власти и общественности к проекту строительства нового книгохранилища и Центральной библиотеки «в границах Ворошиловского проспекта, Казанского переулка, Красноармейской и Лермонтовской улиц» [21]. Но этот проект архитектора Щуко (1931–1932) остался на бумаге.

Таковы были трудности.

Но несмотря ни на что удалось сохранить целостность уникального краеведческого фонда, и в 1927-м и в 1928 годах его по-прежнему в печати называют Северо-Кавказской библиотекой краеведения [22] или Северо-Кавказской краеведческой библиотекой, «лучшим и наиболее полным в Крае собранием книг по кавказоведению».

Требовались надёжные, добрые руки. И такие вскоре нашлись.

Антон Иванович Бодров: «Душа моя – краеведение»

В 1970-е годы в Ленинграде Публичной библиотекой имени Салтыкова-Щедрина затевался словарь библиотековедов [23]. Тогда же в Ростовскую областную научную библиотеку имени К. Маркса пришёл запрос: уточнить имя и отчество бывшего сотрудника А. И. Бодрова.

Я только приобщилась к библиотечному краеведению (в 1977 году из справочно-библиографического отдела была переведена директором Михаилом Васильевичем Капустиным в числе трёх библиографов в созданный им отдел краеведения). Ни документация библиотеки, ни расспросы старых библиотекарей ничего не дали: не знала о Бодрове даже Мария Семёновна Жак, которую в городе называли «ходячей энциклопедией».

Правда, благодаря ей я познакомилась с Дорой Константиновной Жак, сотрудником библиотеки 40-х годов, к тому времени москвичкой, которая подарила Донской публичной уникальную фотографию выпуска библиотечного отделения Ростовского педагогического института 1931–1935 года: среди выпускников был и Бодров.

...Судьба предала его на 70 лет полного забвения...

И вот спустя годы по материалам архивного уголовного дела в УФСБ России по Ростовской области, воспоминаниям близких, отзывам коллег и врагов, печатным и архивным источникам я пробую воссоздать портрет Человека в профессии на фоне своего Времени.

Антон Иванович Бодров родился 30 января 1892 года в Новочеркасске в семье казака. Отец Иван Васильевич Бодров работал шорником в мастерских Константиновской станицы. В семье было тринадцать детей. Отец умер в 1920 году, мать тоже умерла. Но к тому времени дети (в живых осталось семеро) уже крепко стояли на ногах.

В 1907 году Антон окончил высшее начальное училище, в 1912-м – учительскую семинарию и стал работать учителем.

«Книжник по природе своей», – говорила про него Анна Бодрова, жена, которая знала Антона с детства...

В 1914 году Бодрова мобилизовали и направили на фронт в 24-й Донской казачий полк рядовым. В 1916 году его командируют в школу прапорщиков в Новочеркасск.

Военная карьера не прельщала Антона Ивановича.

«После 2-х лет лямки солдата, с которой не мог примириться, как человек осознавший своё человеческое достоинство, он был всегда бельмом на глазу у начальства [...], а однажды даже бит. Мечтал как-нибудь уйти из армии. Но в 1916 году на фронте стало не доставать

кадрового офицерства, в военные училища без согласия с их стороны были направлены студенты и учителя, в число их попал и он, и был направлен в Новочеркасское военное училище, которое окончил в январе 1917 г. и был направлен в зап. каз. полк в Усть-Медведицкую. Революцию встретил с открытым сердцем. Вернулся опять к учительству. Во время гражданской войны три раза мобилизовался белыми, но как народный учитель освобождался от мобилизации. Третий раз, при окончательном бегстве белых, остался на Кубани и вернулся к месту жительства в станицу Константиновскую н/Д» [24].

Здесь его ждала Анна...

Они были такие разные: коренастый, небольшого роста Антон и высокая статная Анна Лопачёва. Молодых тянуло друг к другу, но отец Анны выбор дочери не одобрил: видимо, по причине разного материального достатка.

«Семья Лопачёвых была богата, но каким бизнесом занималась, не помню, – вспоминала М. И. Старовойтова [25], её дед и бабушка дружили с Лопачёвыми. Это были люди достойные, уважаемые в станице. Жили они в двухэтажном доме, шелёванным тёсом, опоясанным балясами, по Базарной улице № 95 (ныне Карташова). Вечерами большая семья выходила отдыхать на балясы. Нижний этаж сдавали под мастерские армянам (они ремонтировали обувь и делали конфеты)»

Анна вышла замуж за Антона против родительской воли. Правда, это случилось только спустя несколько лет...

«С мая 1919 по март 1920 служил в белой Донской армии в 5 казачьем полку в чине хорунжего. В 1920 году особым отделом СКВО был выслан в Саратовский лагерь трудовой армии, где находился около трёх месяцев, а затем отбывал высылку в г. Ярославле, как бывший офицер белой армии [26].

Эти наиболее уязвимые факты биографии мужа Анна Никифоровна Бодрова несколько иначе представляет в своём письме к Сталину:

«Советской военной властью, как комсостав был направлен во 2-ю трудовую армию в г. Саратов. Работал потом в Туле в комвузе им. Ленина бибинспектором и библиотекарем. После перевода в Ярославль был заведующим губ. [коллектором] и инструктором политотдела 18-й дивизии, групповодом и зав. библиотекой на общественно-политических курсах политотдела 18 дивизии. В 1922 г. был уволен из Красной армии в бессрочный отпуск и возвратился в станицу Константиновскую, где получил назначение зав. окружной библиотекой. В связи с районированием и сокращением объёма работы, был переведён в Ростов н/Д и назначен заместителем директора Ростовской публичной библиотекой имени К. Маркса» [24].

Бодров, будучи заместителем Гурвича, оказался в гуще кипящих в библиотеке страстей по краеведению, а после ухода из библиотеки Давида Сарахана принял отдел.

Антон Иванович занялся краеведением со всей пылкостью своей эмоциональной натуры.

Сначала как хороший ученик он не только принял фонд, собранный Сараханом, но и усвоил главный «сарахановский» принцип: краеведение – это всё о Доне и Кавказе, и разделять фонды неуместно...

«Кавказская коллекция» к 1938 году благодаря трудам Бодрова достигла 20 тысяч.

Каждая книга при её обработке снабжалась сиглой «Кр.», что означало – «краеведческая по содержанию».

Тогда в библиотеке был лишь спецхран для белогвардейской литературы, позже он пополнялся книгами «врагов народа»; а дореволюционное краеведение находилось в отделе у Бодрова: в спецхран эти книги попали в том же печальном 1938-м, а в 1952-м были переданы в Редкий фонд [27].

Бодров продолжил и развил начатую Сараханом библиографическую работу: при нём стали выходить краеведческие библиографические ежегодники: за 1927 год такой ежегодник подготовил Антон Иванович, за 1931 – под названием «Библиография Северного Кавказа» – Е. Рыскин и Фаина Минкилевич. (Ростов н/Д : Северный Кавказ, 1932).

К этому времени в библиотеке поутихли страсти. Краеведческое направление признавали важным, задача «содействовать изучению местного края, развитию и использованию производительных сил» возлагалась на отдел краеведения.

Всё складывалось и в личной жизни. В 1929 году у Бодровых родился долгожданный единственный сын Анатолий. Недалеко от библиотеки предоставили благоустроенную квартиру (ул. Социалистическая 120, кв. 9. В 50-х годах Анатолий вспоминал, что отца премировали этой квартирой).

1930 год был богат событиями в культурной жизни.

17 мая Северо-Кавказский крайком ВКП(б) своим постановлением разрешает краевому научному комитету созвать в Ростове в середине июня Северо-Кавказскую краевую конференцию по краеведению» [28]. Краеведы многое от неё ожидали: хотелось поделиться опытом, узнать чем живут коллеги по цеху, единомышленники... А партийное руководство считало, что на конференции должны были быть представители не только от краеведческих организаций, научно-исследовательских учреждений, но и от фабрик, заводов, колхозов, совхозов, студенчества, ученических организаций, профсоюзов, органов народного образования и т. д.

Задачи тоже ставились весьма широкие: «разработать принципы, содержание и организацию краеведческой работы на Северном Кавказе на основе постановлений IV Всероссийской краеведческой конференции и хозяйственно-культурных планов социалистического строительства на Северном Кавказе»; избрать краевое бюро краеведения, перед которым выдвинуть как первоочередные задачи «вовлечение в краеведческую работу широких слоёв трудящихся и превращение краеведческой работы из любительского занятия отдельных замкнутых групп интеллигенции в широкое массовое движение»...

Основная ставка на массовость, массовую работу делалась и в программном документе Бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О едином плане культурного строительства» [29].

Приведём отрывки из документов, стиль которых передаёт дух времени...

«В период борьбы за подлинно большевистские темпы работы на культурном фронте, в момент дальнейшего обострения классовой борьбы всякая неорганизованность, кустарщина, распыление сил и средств на культурном фронте должны быть в корне устранены».

«Отмечая, что директивы ЦК партии о едином культурном плане на Северном Кавказе до сих пор не реализованы, Секретариат крайкома в развитие постановления Пленума крайкома предлагает:

1. Крайсовнархозу, крайСНХ, крайЗУ...ВЛКСМ, всем профессиональным, кооперативным и общественным организациям,.. организациям научных работников и пр. немедленно развернуть работу по созданию единого плана культурного строительства с тем, чтобы эта работа была проведена к 23 января 1931 года...

3. Установить, что единым планом культработы в первую очередь должны быть охвачены следующие участки работы: а) всеобуч; б) ликвидация неграмотности и малограмотности; в) политехнизация школы; г) подготовка и переподготовка культкадров; д) библиотечная работа (и т. д.)» [30].

21 октября 1930 года секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) принял постановление «Об издании краевой энциклопедии» [31]. А 3 ноября издание «Северокавказской энциклопедии» одобрил своим постановлением Президиум Северо-Кавказского крайисполкома, установив ориентировочно, что за три года выйдет восемь томов.

В 1931 году издательство «Северный Кавказ» выпустило проспект энциклопедии, определив схему отделов, редакционно-издательское бюро и список авторов. В списке авторов был и Антон Иванович Бодров, а среди редакторов и соредакторов значился В. Д. Камегулов [32], в 1938 году он стал директором областной библиотеки.

Бодров подготовил статью по истории библиографии [33]. Однако ни один том «Северокавказской энциклопедии» так и не вышел в свет, многих авторов репрессировали. В 1933 году Антон Иванович предложил свою статью в сборник «Советское краеведение на Северном Кавказе».

Написанная в духе того времени, статья «О состоянии и задачах краеведческой библиографии на Северном Кавказе» и сегодня не утратила научного значения как обзор краеведческой библиографии второй степени.

Антон Иванович «уходил на работу в 8–9 утра, возвращался в 11–12 ночи, – вспоминала Анна Бодрова, – ... ни ради денег, ни ради хлеба, а потому, что любил своё дело... в двух библиотеках на ответственной работе. В библиотеке им. К. Маркса заведующим отделом краеведения и вёл научно-библиографическую работу, в научной библиотеке при РГУ – заместителем директора по [научной] части, преподавателем и [заведующим учебной] частью курсов повышения квалификации библиотекарей, секретарём секции научных работников... Нередко от него слышали: «Душа моя – краеведение... В 1935 г. без отрыва от работы окончил полугодовые курсы специальных дисциплин при библиотечном отделении Р.П.И. [34] и получил свидетельство отличника... Мы с сыном видели его только в выходные дни. Отдыхал тогда светло и радостно. Сослуживцы говорят о нём: «Бодров всегда бодрый, энергичный и жизнерадостный» [24].

В 1935 году к конференции Академии наук СССР по изучению производительных сил Азово-Черноморского края, которая проходила в Ростове в 1936 году, Бодров составил библиографический указатель книг и журнальных статей за 1917–1935 год «Природные ресурсы и экономика Азово-Черноморского края». Его соавторами были аспирант Московского научно-исследовательского института библиотековедения Е. И. Рыскин и библиограф Ростовской на Дону высшей коммунистической сельскохозяйственной школы А. В. Кузнецов. Техническую работу проделала сотрудница отдела краеведения библиотеки З. А. Ковалевская.

Указатель, выполненный досрочно (за три месяца вместо года), получил высокую оценку Н. В. Здобнова [35] и начальника библиотечного управления Наркомпроса РСФСР Б. Кирова.

Вот отзывы, направленные директору Азово-Черноморской краевой государственной библиотеки имени К. Маркса [26].

«Многоуважаемая Мария Львовна!

Получил Ваш подарок и поздравляю Вас с ним. Выход указателя – радостный праздник. Конечно, библиографические пуритане найдут к чему придраться. Разумеется, [ошибок] найти можно много: нет аннотаций, нет географического и предметного вспомогательных указателей, нет списка источников и т.д. Вы правильно сделали, что в своём предисловии отметили предварительный характер указателя (хотя надо бы подчеркнуть это, но каким-нибудь иным путём, заметнее). Но несмотря на это указатель составлен хорошо.

Весь вечер перелистывал его, впитывал, кохался в нём, и могу заверить для тех сроков, в которые он составлен / и при том в таком прекрасном исполнении/ лучшего требовать нельзя. Но наши библиографические пуритане вероятно не заметят самого главного, что есть в этом указателе – живого отклика на запросы жизни, его актуальности и большевистских темпов его составления и издания. Три месяца работы 3-х библиографов с одним техническим сотрудником. 16 с половиной печатных листов библиографического текста с материалом за 19 лет – заданные у нас темпы, новый отклик на Сталинский лозунг «Кадры решают всё», начало библиографической [струи] ... в стахановском движении, вносящем и быстрые темпы и хорошее качество. И вот это особенно ценно.

Одним словом сердце радуется на книгу. Но будет очень печально, если на этом указателе остановится работа. Уверяю Вас, что Ваша библиотека может брать прочные крепости, и ваша обязанность взять крепость Азово-Черноморской библиографии...

Эта работа конечно не на 16, а на [...] листов и не на месяцы, а на годы.

Весело брать такую большую крепость. [Такое занятие] раскроет колоссальные богатства накопленных знаний и обратит их на дело строительства социализма, на понимание такого значения краевой библиографии.... Крепость, которую нужно взять. Порокой может быть Ваша энергия и настойчивость. Не ослабляйте её.

Прошу Вас передать от меня привет и поздравления А. И. Бодрову и его сотрудникам. Я постараюсь найти время, чтобы написать ему отдельно, но я так занят, что не могу сходить в магазин, где лежат обещанные и отложенные для Вашей библиотеки библиографические издания. А за именным экземпляром в твёрдом переплёте глубоко благодарен и крепко жму Вашу руку.

6/ХП – 1935 г

Н. Здобнов»

«Коллективу Ростовской библиотеки им. К. Маркса. г. Ростов-Дон

Только что получил Вашу библиографическую работу.

Это настоящее дело, настоящая [...] для краевой библиотеки научная работа.

Искренне рад. Ознакомлюсь подробнее и тогда скажу Вам своё мнение по существу. А пока прошу разослать Вашу книгу в краевые библиотеки (можно за наш счёт. Вышлите. Счёт я оплачу).

Крепко жму руку руководителю библиотеки Рабинович и поздравляю коллектив с успешным завершением большой краеведной библиографической работы.

С тов. приветом,

Б. Киров

[...] декабря 1935 г.»

Антон Иванович Бодров занимался научно-вспомогательной библиографией. И это в то самое время, когда «массовая библиография» уже завоевала своё место. В краевой библиотеке последователем рекомендательной библиографии был Борис Николаевич Кессених, заведующий справочно-библиографическим отделом [36]. Спустя четыре года он подтвердит, что «уклон в работе Бодрова был чисто регистрационный. Партийности в его работе не было. У Бодрова отсутствовал критический подход к оценке печатных трудов, которые он заносил в библиографические указатели, списки и каталоги. В результате чего была засоренность в списках и каталогах литературой, которая должна была находиться в специальном фонде. Не вникая в содержание литературы Бодров преподносил читателям литературу в качестве перечня, в котором читатель должен был разбираться сам. Нужно отметить, что Бодров обслуживал высококвалифицированных писателей, а массовой рекомендательной работы не развивал» [26].

Между тем, сверху в библиотеки была спущена директива возложить краеведческие библиографические задачи на библиографические отделы.

На это ещё в 1933 году откликнулся Н. В. Здобнов статьёй «Центры краевой библиографии на местах». Он писал: «Имеется тенденция возложить библиографические задачи на центральные краевые библиотеки, создав при этих библиотеках библиографические отделы. Но нет более рационально действующего средства, чем это, чтобы убить или задержать развитие краевой библиографии». Эта же мысль в более завуалированной форме прозвучала в 1934 году в его статье «Состояние, задачи и организация краевой библиографии» [37].

«Бодров яро возражал против плана перестройки библиотеки, согласно которого отдел краеведения терял свою самостоятельность и вливался в справочно-библиографический отдел» [26]. Директор Мария Львовна Рабинович [38]. придерживалась мнения – «от добра добра не ищут» и ничего менять не стала. Реорганизация же произошла в 1938 году, когда библиотеку возглавил В. Д. Камегулов [39].

Владимир Дмитриевич Камегулов, заведующий информацией Кубанского окрком, появился в Ростове в марте 1930 года. Он был отозван из Кубанской парторганизации в распоряжение Культпропа и направлен на журналистскую работу [40]. Заместитель редактора газеты «Сталинец» на Ростсельмаше, Камегулов руководил также курсами при техникуме печати. Однако уже спустя три месяца о нём заговорили как о человеке, не выполняющем свои обязанности, а занимающемся склоками и сбором «материалов для дискредитации окружной КК и дачу задания для этого отдельным членам партии», за что партийная комиссия крайКК объявила Камегулову два выговора [41]. Правда, в мае 1932 года их сняли, учитывая активную работу и положительные отзывы от бюро партийной ячейки при издательстве «Северный Кавказ».

В редакции «Сталинца» Камегулов задержался до 1933-го, значительно дольше, чем в других организациях.

А потом где он только ни работал: и редактором газеты «Ударник» Донской государственной табачной фабрики, и ответственным редактором газеты «Звезда» политотдела железной дороги (1934); ответственным секретарём, редактором газеты «Ростовский гудок».

В 1935 году редактор газеты «Ростовский гудок» Камегулов получает строгий выговор «за слабое руководство газетой и буржуазные методы в газетной работе» [42]. Вскоре проштрафившегося партийного работника переводят на новую работу... главным редактором Азчерхозиздата.

Зарвавшийся чиновник, чувствуя безнаказанность, позволяет себе систематически нагло терроризировать работников, чрезмерно грубить, пренебрежительно барски относиться к нижестоящим, действовать окриками, в ряде случаев он доводил сотрудников до слёз [43].

Его стиль работы – «издевательское отношения к подчинённым, подхалимство перед начальством». За это, а также «за антисоветские выступления против отечественной продукции, как чуждого, случайного человека, прорвавшегося в партию с корыстными целями» решением Андреевского РК ВКП (б) 16 сентября 1937 года Камегулова исключают из членов Коммунистической партии [44].

Правда, уже в январе 1938-го бюро Ростовского городского комитета ВКП(б), рассмотрев апелляцию Камегулова, находит в его деле смягчающие обстоятельства. И хотя за грубое отношение к сотрудникам объявляет строгий выговор, решение Андреевского РК ВКП (б) отменяет и восстанавливает Камегулова в партии [45].

В этом же 1938 году Камегулов становится директором Ростовской областной государственной библиотеки имени К. Маркса.

Сохранился документ, позволяющий оценить деятельность Камегулова в областной библиотеке. Это характеристика, данная им, «на бывшего заведующего отделом краеведения Ростовской областной государственной библиотеки им. К. Маркса Бодрова Антона Ивановича» [26].

«...В 1937 году я привёл в библиотеку экскурсантов как преподаватель [курсов Союзпечати]. Экскурсия имела целью ознакомление с книжными редкостями библиотеки и в первую очередь с подпольной большевистской печатью. Экскурсией от библиотеки руководил Бодров А. И. (директором была Рабинович Мария Львовна), и вот нам Бодровым были даны на просмотр среди большевистских газет времён подполья, также меньшевистская «Искра», троцкистская «Правда» и др.

Наряду с этим, Бодров слишком восхищался в отношении книг, изданных до революции (с точки зрения их *типографской психики*), хотя наша типографская промышленность дала немало прямо-таки образцов типографской техники.

Будучи зав. отделом краеведения, Бодров А. И. задался целью сосредоточить в одной комнате книги на краеведческие темы. Это было им осуществлено следующим образом:

а) С непонятной любовью и заботой Бодров собрал в создаваемый им краеведческий фонд всю контрреволюционную литературу, изданную в период владычества белых.

б) С такой же любовью и заботой собрал он в этот фонд и вообще литературу, фактически к краеведению Ростовской области, Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краёв никак не относящуюся, но зато идеологически нам вражескую.

3. Всем этим был нанесён большой ущерб областной библиотеке. Так в смысле денежном это выразилось в излишней затрате нескольких тысяч рублей, что для бюджета библиотеки являлось ощутительным. В самом деле больше 5 тысяч книг было, например возвращено из фонда краеведения, создаваемым Бодровым, обратно в общее книгохранилище, как не имеющего никакого отношения к краеведению не только Ростовской области, но и Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краёв. Это было проделано новым руководством библиотеки в 1938–1939 годах.

А обработка этих книг при внесении их Бодровым в фонд краеведения и обратная их переработка при возвращении в общий фонд стоила не менее двух тысяч рублей.

А надо иметь в виду, что сейчас насчитывается в краеведении около 1 тысячи книг, а в начале 1938 года до 20 тысяч книг. Следовательно, остальные книги ушли в спецфонд, в **сомнительный фонд** и т. д. . . .

В столе Бодрова были найдены различные контрреволюционные листовки, которые (насколько я помню) быв. директор библиотеки тов. Комиссаров (ныне умерший) показывал работникам НКВД и чуть ли не сдал в НКВД – это были листовки, изданные во время владычества белых.

В столе Бодрова были найдены и списки Главлита на изъятую литературу.

В столе Бодрова был найден и так называемый «список дореволюционных изданий». Список этот сделан от руки чернилами и является списком контрреволюционной белогвардейской литературы.

Эти книги и журналы в основном находятся в спецфонде библиотеки, Бодров за невозможностью их оттуда взять, держит список. Причины этого, видимо, сугубо «краеведческого» характера.

Ко всему этому надо добавить, что до 1938 г. в отделе краеведения было такое положение, что Бодров и его сотрудник Ковалевская давали чуть ли не любому читателю пользоваться книгами, т. н. «краеведческого» фонда, характеристику которого я дал выше. . .

Из всего нижеизложенного ясно, что деятельность Бодрова А. И. в библиотеке им. К. Маркса являлась по существу преступной».

Антон Ивановича арестовали 11 июня 1938 года, а спустя полтора месяца он «признался», что, будучи участником контрреволюционной белогвардейской повстанческой организации, готовил диверсионную группу для взрыва автопарка, вёл антисоветскую агитацию и распространял клевету о неизбежном поражении СССР в будущей войне.

После этого 29 ноября Бодрова этапировали из Ростовской тюрьмы в УСОЛЬЛАГ НКВД.

14 июня Анна Никифоровна пишет письмо Сталину [24]:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Простите, что я беспокою Вас своим личным делом. Но я обращаюсь к Вам как к самой справедливости. Мне невозможно видеть Вас лично, но я верю и страстно хочу только того, чтобы это письмо дошло к Вас. Чтобы Вы прочитали его.

11 июня 1938 г. мой муж Антон Иванович Бодров арестован уч. инспектором 2-го отд. Р. К. М. Звягинцевым на основании ордера за № 2625 НКВД АЧК [46]. Случилось это в моё отсутствие. 9 июня я выехала с нашим 8-летним сыном к бабушке, моей матери, проживающей в станице Константиновской. Сослуживец мужа, после ареста, вызвал меня телеграммой домой. Когда я вошла в перевёрнутую вверх дном квартиру, я не могла сразу понять, осознать что случилось. Поехала на место службы мужа и вот теперь всю ночь и весь день повторяю только одно – за что? За что? За что? Знаю его 20 лет как честного преданного труженика. Мы с сыном гордились им, как одним из лучших людей, сам он и

работал с сознанием своей [причастности] для великого общественного дела – строительства социализма....

Прошу Вас, умоляю Вас, Иосиф Виссарионович, во имя справедливости уделить его делу хоть одну [минуту] Вашего внимания, здесь какое-то недоразумение или клевета, как было уже в его жизни.

Если он погибнет напрасно и несправедливо, что скажу я его сыну? Как погиб его отец? Он мечтает стать таким как Папанинцы и отец мечтал быть Папаниным в своём деле.

Дорогой Иосиф Виссарионович, верните нам отца, верните [...] преданного и [полноценного] работника и всю свою жизнь будем благословлять Ваше имя. Клянусь Вам всем святым в моей жизни он ни в чём не виноват!»

Анна Бодрова не получила ответа.

«В 1941 году в ноябре месяце в связи с оккупацией нашей территории и зверской бомбардировкой Ростова наша квартира, которой отец был премирован, была полностью разрушена и мы с матерью без куска хлеба и без тёплой одежды в зиму ушли пешком к моей тётке, сестре моей матери, в станицу Константиновскую Ростовской области, где я должен был обучаться в средней школе», – вспоминал Анатолий Бодров [26]. В Ростов Бодровы больше не вернулись.

Антон Иванович, отсидев 10 лет, был отправлен в ссылку сроком на 5 лет (до июля 1953 года) в посёлок Нижне-Ангарск Красноярского края. Известие это сразило Анну: её парализовало, до конца дней она была прикована к постели (умерла в 1960 году).

Ссылка закончилась, но Бодрова не освободили. В течение последующих двух лет Антон Иванович, его жена и сын пишут прошения во все возможные инстанции: в Прокуратуру Красноярского края, Верховному Прокурору СССР, Председателю Верховного Совета СССР Ворошилову как представителю надзора ссылки [26] и письма полны отчаяния.

«... за что я был лишён свободы 16 с лишним лет тому назад, подвергнут оскорблениям унижительным и заключён в лагерь на 10 лет и за что меня продолжают держать 7-й год в ссылке? За что меня лишили дорогих моему сердцу людей, моей семьи, от которой я оторван в общей сложности 17-й год? За что меня лишили любимого дела, которому я беззаветно отдавался и тем с пользой служил социалистическому обществу? За что меня лишили, наконец, родины, заклеив меня позорной кличкой фашиста и врага народа? В чём найти оправдание перенесённым мною и моей многострадальной семьёй унижениям и страданиям? ...

В результате применения во время «следствия» методов физического воздействия (круглосуточные стойки на допросе, лишение сна в течение нескольких суток подряд, сплошные побои и пр.) и методов морального насилия (жуткая площадная ругань, всякого рода оскорбления, издевательства и т. п.), я перестал чувствовать себя человеком и, дабы облегчить хоть сколько-нибудь свои страдания, я вынужден был пойти на сделки со своей совестью и гражданским достоинством.

В целях самозащиты, по примеру товарищей по несчастью, я начал клеветать на себя и дал письменные показания, что состоял в некоей выдуманной мною контр-революционной организации, для которой я будто бы выполнял задания по выявлению антисоветских настроений среди читателей Ростовских на Дону библиотек, в которых я работал....

Пусть я лично стал жертвою ныне разоблачённых и по заслугам наказанных врагов народа Советской власти и Коммунистической партии Советского Союза; пусть за эти 16 с лишним лет я превратился из цветущего, полного сил, здоровья, энергии и энтузиазма высококвалифицированного специалиста (я являюсь квалифицированным специалистом библиотечного дела), в разбитого, дряхлого, 62-летнего, неспособного к активной деятельности дисквалифицированного физического и морального инвалида.

Но за что разрушена и страдает моя семья? За что моя жена, когда ей стало известно в 1948 году, что я не возвращусь к семье, а буду направлен в ссылку, в далёкую Сибирь, в результате сильного нервного потрясения, была поражена гемиплексией, т. е. параличом правой стороны тела и превратилась в инвалида 1 группы, абсолютно неспособного ни к

какой лёгкой работе; навеки прикованного к постели и нуждающегося в постоянной посторонней помощи За что мой единственный сын в бытность его в 7 классе средней школы, вокруг которого как сына «врага народа» была создана настолько нездоровая атмосфера и в педагогической и в ученической среде, что он вынужден был оставить учёбу и ещё ребёнком, в возрасте 14 лет, пойти работать по найму для того, чтобы поддерживать калеку-мать, оставшись таким образом недоучкой-невеждою?...»

12 июля 1954 года к Председателю Верховного Совета СССР Ворошилову обращается двадцатипятилетний Анатолий Бодров. Он работает в городе Шахты переносчиком скрепкового транспортёра на шахте № 47, является стахановцем производства и просит отпустить отца из ссылки под его опеку.

Заключение об освобождении из ссылки А. И. Бодрова последовало лишь 23 декабря 1955 года.

Эпилог

По свидетельству Александры Павловны Домановой, заведующей библиотекой Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса, после освобождения Антон Иванович поселился в Шахтах, работал в библиотеке Шахтинского педагогического института библиографом.

Похоронив жену, он пережил инсульт и прожил в семье сына ещё года три-четыре. Его невестка Мария Николаевна Бодрова рассказывала, что отец не расставался с книгой, много читал и всегда что-то выписывал на карточки. О своей жизни вспоминать не любил...

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА, ПРИМЕЧАНИЯ

1. Приказ № 204 по ДОНО от 17.02.1927 года.
2. ГАРО. Ф. 1185. Оп. 4. Д. 522. Л. 5. Упоминается решение Коллегии крайКК-РКИ от 13 июня 1931 г. о реорганизации библиотеки им. К. Маркса в краевую Центральную библиотеку с возложением на неё функции по руководству всей библиотечной сетью края.
3. Северо-Кавказский край. 1925. № 9 С. 122. Из предисловия Сарахана к опубликованной ниже библиографии ясно, что на 15 августа и в сентябре 1925 года библиотека называлась Донской публичной библиотекой имени К. Маркса. В фонде ДГПБ встречаются книги с таким штампом, что также подтверждает название библиотеки в этот период.
4. Сарахан Д. Северо-Кавказская библиотека краеведения в Ростове на дону // Бюл. Сев.-Кавк. бюро краеведения. 1926. № 3–4. С. 26–27; Ямпольский М. Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927 С. 70.
5. Штавакер Л. А. У истоков Северо-Кавказской краеведческой библиотеки // Дон. временник. Год 2000-й. С. 159.
6. Сарахан Д. Северо-Кавказская библиотека краеведения в Ростове на Дону // Бюл. Сев.-Кавк. бюро краеведения. 1926. № 3–4. С. 26–27.
7. Протокол заседания Ответработников Донского Библиотечного Коллектора с представителями от библиотеки им. К. Маркса и Донполитпросвета от 3/XI-26 г. По всей вероятности: аббревиатура КЭС означает: Краевой Экономический Совет – Л. Ш.
8. Советский Юг. 1925. 23 мая. С. 4.
9. Библиографической бюро – предшественник справочно-библиографического отдела.
10. О краеведческой библиографической работе библиотеки за 1922–1926 год дают представление собранные Д. Сараханом, переплетённые в отдельный оттиск разделы «Библиография» в журналах «Юго-Восток» и «Северо-Кавказский край» под названием «Северо-Кавказский край. Библиография за 1925–1926 гг.». Год переплёта, видимо, 1926-й, так как в ответственности указано: Ростовская на Дону Государственная Публичная Библиотека имени К. Маркса». Это следующее официальное название библиотеки.
11. Северо-Кавказский край. 1925. №№ 9, 10, 11–12; 1926. №№ 3, 5, 9, 10, 11.

12. Советское краеведение на Северном Кавказе : сб. краевед материалов / Сев.-Кавк. Бюро краеведения. Ростов н/Д : Северный Кавказ, 1932. С. 72.
13. Сидоров В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д : Гефест, 1996. С. 367.
14. Там же. С. 340, 347.
15. Там же. С. 355–367
16. Там же. С. 367.
17. Протокол заседания Политпросвета секции народного образования Ростово-Нахичеванского на Дону городского совета 9 созыва № 9 от 20 сентября 1927 г.
18. Из архива ДГПБ. К делу 9. С. 42.
19. Д. А. Сарахан : (некролог) // Сов. краеведение на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1932. С.72–73.
20. С этого времени библиотека стала называться Ростовской Государственной Публичной.
21. ГАРО. Ф. 1185. Оп. 4. Д. 522. Л. 10, 11, 23.
22. Ямпольский М. Л. Краеведческие учреждения на Северном Кавказе / Сев.-Кавк. Краевое бюро краеведения. Ростов н/Д, 1927 С. 70; Воскресенский А. Н. Краеведение на Северном Кавказе и перспективы его развития / Воскресенский А. Н., Ямпольский М. Л. // Краеведение на Северном Кавказе. 1928. № 1–2. С. 12.
23. В свет не вышел. [Из письма Д. К. Жак] // Дон. временник. Год 1996-й. С. 217.
24. Из письма А. Н. Бодровой к И. В. Сталину от 14.06.1938 г. // Архив УФСБ России по Ростовской области. Д. № П–15024.
25. Из воспоминаний Маргариты Ивановны Старовойтовой, 1924 года рождения, участницы Великой Отечественной войны, библиотекаря; проживает в г. Константиновске по адресу Карташова № 91. Дочь Лопачёвых Васса Никифоровна, сестра Анны, ещё до войны работала библиотекарем. Во время войны Васса Никифоровна была в эвакуации, а затем вернулась и жила одна в верхах. После войны дом Лопачёвых начал разрушаться и в 1949 году разрушился окончательно. Сейчас там трёхэтажный особняк из красного итальянского кирпича.
26. Архив УФСБ России по Ростовской области. Д. № П–15024.
27. Максимова В. И. Прошлое я вновь переживаю... // Дон. временник. Год 2007-й. С. 182–183.
28. ЦДНИРО Ф. 7. Оп. 1. Д. 1047. Л. 21. В документе указана двойная дата: 17 мая – 13 июня. [Л. Ш.]
29. ЦДНИРО Ф. 7. Оп. 1. Д. 1107.
30. Там же. Из Приложения к Протоколу № 4 Комиссии Бюро крайкома по культурному строительству от 23.12.1930 года.
31. ЦДНИРО Ф. 7. Оп. 1. Д. 1059; Северо-Кавказская энциклопедия : проспект. Ростов н/Д : Северный Кавказ, 1931. С. 5.
32. Северо-Кавказская энциклопедия : проспект. Ростов н/Д : Северный Кавказ, 1931. С. 11, 13.
33. Бодров А. И. О состоянии и задачах краеведческой библиографии на Северном Кавказе // Сов. краеведение на Северном Кавказе : 2-й сб. краевед. материалов. Ростов н/Д, 1933. С. 53–54. Публикуется в данном выпуске в рубрике «Краеведческая библиография».
34. Ростовский педагогический институт.
35. Здобнов Николай Васильевич (1888–1942), библиограф, инициатор создания и редактор капитальных работ: «Библиография Дальневосточного края» (т. 1—2, 1935), «Библиография Бурят-Монголии за 1890—1936 гг.» (т. 1—4, 1939—1946). Библиографическую деятельность начал в 1914, выступал с докладами на 1-м (1924) и 2-м (1926) библиографических съездах, в Русском библиографическом обществе. Деятельность Здобнова имела важное значение для усиления роли библиографии в развитии советского краеведения, подготовке библиографов, разработке истории, теоретических и методических основ библиографии. Автор книг «Основы краевой библиографии» (1931), «Указатель библиографических пособий по Уралу»

- (1927), «Материалы для Сибирского словаря писателей» (1927) и др. Крупнейший его труд — «История русской библиографии от древнего периода до начала XX века» (т. 1—2, 1944—47; 3-е изд. — «История русской библиографии до начала XX века», 1955). (Лит.: Машкова М. В. Н. В. Здобнов (1888—1942). : очерк жизни и деятельности / под ред. и с предисл. П. Н. Беркова. М., 1959.
36. Борис Николаевич Кессених : автобиография // Дон. временник. Год 2002-й. С. 238.
37. Щерба Н. Н. Библиотечное и библиографическое краеведение : сб. послед. лет. М., 1995. С. 96.
38. Мария Львовна Рабинович в конце войны заведовала библиотечным сектором Ростовского областного отдела культпросветработы. (Жак Д. К. «Несколько слов по поводу книжки о библиотеке им. К. Маркса // Дон. временник. Год 1996-й. С.213).
39. Камегулов Владимир Дмитриевич, 1903 года рождения, сын священника, член ВКП(б) с **1920 года партийный билет № 0082770**, служащий, журналист, не оконченное среднее образование. Последние известные о нём сведения 1942 г.: на заседании Ростовского бюро горкома ВКП (б) от 23.01.1942 г. Камегулов В. Д, член ВКП (б) с **1930 г. (партбилет № 1009476)**, образование высшее, работавший до эвакуации из Ростова на этой работе утверждён лектором горкома ВКП (б). (ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 2. Д. 972. Л. 30).
40. ЦДНИРО Ф. 7. Оп. 1. Д. 1041 «Сч»
41. ЦДНИРО Ф. 131. Оп. 1. Д. 171; 182.
42. ЦДНИРО Ф. 8. Оп. 1. Д. 110.
43. ЦДНИРО Ф. 15. Оп. 1. Д. 309. Л. 126.
44. ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 1. Д. 351. Л. 168.
45. ЦДНИРО Ф. 13. Оп. 1. Д. 603. Л. 193,194.
46. Азово-Черноморский край.

Автор выражает благодарность за содействие в подготовке публикации Владимиру Владимировичу Призову, Тамаре Альбертовне Калашиник (УФСБ России по Ростовской области), Наталье Яковлевне Емельяненко (Центр документации новейшей истории Ростовской области), Марии Николаевне Бодровой (г. Шахты), библиографам Валентине Прокофьевне Граф (г. Константиновск) и Марине Николаевне Траценко (г. Шахты)